

В. Е. Прохоров

ПЛАТИНОВЫЕ МОНЕТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Рассматривается своеобразное явление в русской денежной системе изучаемого периода — платиновая монета: история появления, разработка русских платиновых приисков, некоторые технологические аспекты и проблемы использования платины в качестве денег, роль министра финансов Е. Ф. Канкрин во введении платиновой монеты..

Начало XIX в. Россия встретила в обстановке расстройств денежного обращения. Попытки реформирования денежной системы, связанные с сокращением количества ассигнаций в обращении и улучшением качества золотой и серебряной монеты, успехом не увенчались. В 1801—1810 гг. в стране было изготовлено золотой монеты на 6,7 млн руб., серебряной — на 24,3 млн руб., медной — на 11,7 млн руб. По сравнению с монетой ассигнаций за это же время было выпущено в 8,5 раз больше — на сумму более 366 млн рублей. Подобный неумеренный выпуск был связан с дальнейшими заимствованиями казны и ухудшением торгового баланса страны вследствие континентальной блокады. Он поставил Россию на грань финансового краха: курс ассигнационного рубля понизился с 65 коп. в 1801 г. до 25,5 коп. в 1810 г. [см.: Кауфман, 1909, 17]. Обилие ассигнаций привело к изъятию из денежного оборота монет из драгоценных металлов. Иную роль стали играть и медные деньги: с момента совпадения их курсовой стоимости со стоимостью ассигнаций они стали разменной монетой по отношению к ассигнационному рублю и вплоть до финансовой реформы 1839 г. неизменно находились в одной цене с ассигнациями.

Таким образом, в стране искусственно уживались две денежные системы: 1) б у м а ж н о - д е н е ж н а я с приданной ей в качестве разменных денег медной

монетой и 2) металлическая, хиревшая в условиях продолжавшегося падения курса ассигнаций и изъятия ее из оборота. В 1812—1814 гг. выпуск монеты из благородных металлов составил всего 5,6 млн рублей. А на заграничные платежи в это же время (период военных действий) было израсходовано свыше 25 млн руб. в золотой и серебряной монете [см.: Кашкаров, 1898, 11—12]. Этот факт объясняет продолжавшийся на протяжении всех военных лет отток золота и серебра из денежного обращения.

В создавшейся обстановке правительство предприняло попытку сократить количество ассигнаций в обращении и увеличить количество монеты из благородных металлов. В 1815—1830 гг. золотой и серебряной монеты было изготовлено на 134,9 млн рублей [см.: Там же, 21—24]. Эта мера немного стабилизировала денежное обращение в стране.

Своеобразным явлением в русской денежной системе изучаемого периода стала платиновая монета, которая чеканилась в 1828—1845 гг. в трех достоинствах: 3, 6 и 12 рублей. По замыслам финансовых чиновников она должна была укрепить денежное обращение и стабилизировать курс ассигнаций.

История платины начинается с 1737 г., когда итальянский астроном Антонио де Уллоа привез из Южной Америки в Европу (Испанию) зерна неизвестного металла, добытого из речных песков и похожего на серебро. Неказистый серый металл назвали платиной (от исп. *plata* — серебро). Поскольку металл был очень тяжелый, «предприниматели» от денежного дела быстро нашли ему применение — стали добавлять в золото. И испанскому правительству пришлось издать суровый закон, по которому до 1778 г. всю добытую вместе с золотом платину требовалось топить (!) в реке. Платину в небольших количествах в основном добывали в Колумбии. К концу XVIII в. ее начали использовать ювелиры: она оказалась прочнее золота, а тонкая оправа из нее надежно удерживала бриллианты и не искажала их цвета.

Когда в 1814 г. горный штейгер Лев Брусницын открыл на Урале богатейшие золотые россыпи, быстро выяснилось, что в них вместе с золотом встречается и платина. Вскоре были найдены самостоятельные платиновые месторождения. Поисковая партия, отправленная с Баранчинского завода, в августе 1824 г. открыла месторождение россыпной платины на речке Уралихе (склон горы Благодать) в двенадцати верстах от Баранчинского завода. Здесь заложили первый не только в России, но и вообще в Старом Свете платиновый прииск — Царево-Александровский. В этом же году открыли платиновые россыпи на реках Мельничной и Ис, в 1825 г. началась промышленная добыча платины также в районе Нижнетагильских заводов Демидова. Демидовский прииск начал действовать на речке Сухой Висим на западном склоне Урала.

Русские платиновые прииски оказались самыми богатыми в мире и сразу же вывели Россию на первое место по добыче тяжелого белого металла. Только в 1828 г. Россия добыла 1 550 кг платины — неслыханное по тому времени количество, примерно в полтора раза больше, чем вся добыча в Южной Америке за период 1741—1825 гг.

Однако возникла проблема использования платины. Горный инженер А. Архипов вместе с мастерами Кушвинского завода изготовил в 1825 г. первые изделия из русской платины: кольцо, чайную ложку, чернильницу, цепочки и другие мелкие вещи. В 1826 г. из платины был изготовлен памятный жетон по случаю коронации Николая I. Аверс украшала монограмма, а реверс — надпись, обе стороны жетона были увенчаны короной. 21 марта 1827 г. в конференц-зале Горного кадетского корпуса на торжественном собрании ученого комитета по горной и соляной части были показаны новые изделия из русской платины — проволока, чаши, тигли, медали и слитки. Но изделия из тугоплавкой платины были в двенадцать раз дороже аналогичных серебряных и не находили применения в быту и промышленности.

В то время использовали «мокрый» способ обработки платины, когда платиновую руду растворяли в «царской водке»¹. Осаждая хлористую платину, обращали получаемое вещество в металлический порошок, его прессовали, а раскаленные заготовки подвергали расковке. Именно способ получения платины ковкой натолкнул министра финансов России графа Е. Ф. Канкрин на мысль попробовать употребить этот редкий, дорогой и благородный металл для чеканки монет.

Немец по происхождению, Е. Ф. Канкрин (Георг фон Канкрин) все свои знания и силы отдал России, ставшей с 1797 г. его новой родиной. Имя Е. Ф. Канкрин как автора обширного сочинения «О военной экономии во время мира и войны и ее отношении к военным операциям» было известно в Европе. В 1821 г. вышла работа «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство», в которой Е. Ф. Канкрин изложил свои взгляды на народное хозяйство и финансы. По-видимому, она сыграла определенную роль при решении вопроса о назначении его в 1823 г. министром финансов. В книге «Экономия человеческого общества и состояние финансов», созданной им на склоне лет и ставшей своеобразным итогом жизни, изложены представления, которыми автор руководствовался в своей деятельности. Обе работы не были чисто теоретическими исследованиями и содержали ряд практических наблюдений о состоянии русских финансов. Они дают право считать их автора не только финансистом-практиком, но и ученым-теоретиком.

По своим взглядам Е. Ф. Канкрин, безусловно, был консерватором, т. е. сторонником сохранения основ существующего порядка, противником каких-либо резких перемен и потрясений, последствия которых непредсказуемы. Признавая несовершенство многих из существовавших общественно-политических и экономических институтов, он выступал за их постепенное улучшение, производимое очень осторожно, без спешки. В некоторых случаях предложения Е. Ф. Канкрин были довольно смелыми.

Показательна в этом смысле его позиция по проблеме денег и денежного обращения. Какими должны быть деньги, чтобы обеспечить эффективное развитие

¹ Смесь концентрированных кислот — азотной и соляной.

экономики? Какой должна быть денежная система? Как добиться ее нормального функционирования? Настоящим богатством, настоящим капиталом Е. Ф. Канкрин считал металлические деньги. Однако на определенном уровне развития человеческого общества возникли бумажные деньги. По мнению Канкрина, они должны служить только «воспособлением» к деньгам металлическим и обеспечиваться неприкосновенным, хотя бы и умеренным, разменным фондом. Разменный фонд он считал самым рациональным основанием бумажно-денежной системы, но при важнейшем условии: если он будет состоять не из государственных имуществ и бумаг, а из монеты. Бумажные деньги должны приниматься во всех публичных кассах и размениваться в них на звонкую монету. Количество бумажных денег должно соответствовать потребности в обращающихся платежных средствах с включением в это число и металлических денег. При этом нельзя практически определить, сколько их можно выпустить в известное время. В самой природе бумажных денег заключается стремление к их чрезвычайному умножению, а излишний выпуск нарушает необходимое равновесие в денежной системе — звонкая монета вытесняется из обращения, а курс бумажных денег падает.

Исходя из всего вышесказанного, становится понятно, почему именно Е. Ф. Канкрин предложил императору Николаю I использовать для чеканки монет, в связи с недостатком золота и серебра, платину.

Император не сразу решился на такое нововведение и потребовал заключения компетентных лиц по этому вопросу. Е. Ф. Канкрин обратился к великому немецкому естествоиспытателю А. Гумбольдту. К своему письму он приложил пробные образцы платиновых червонцев. В ответном послании ученый поблагодарил за «прекрасно отчеканенные пробы», доказывающие, «что в Санкт-Петербурге, более чем где-либо в другой стране, преодолены технологические трудности по очистке и обработке платины».

К самому же замыслу Гумбольдт отнесся с осторожностью, отметив, что такая «провинциальная» монета вряд ли сможет долго существовать. При этом он справлялся о запасах платины на Урале, предостерегал, что увеличение добычи в Колумбии может все испортить. Высказывал он и опасения, что простолюдины будут новые монеты брать неохотно, опасаясь спутать их с более дешевыми серебряными. Хотя платиновую монету нельзя было приравнять к золоту и серебру как средству обращения, тем не менее платина обладала рядом свойств, благоприятных для металлических денег: имела сравнительно высокую стоимость, не окислялась, была мало подвержена истиранию и утрате веса при обращении, отличалась высокой температурой плавления и «тяжестью», что позволяло фальшивые монеты определять по их легкости [см.: Шаталов, 2003, 17—23].

Е. Ф. Канкрин добился желаемого. Именными указами (от 24 апреля 1828 г., 30 ноября 1829 г., 12 сентября 1830 г.) было объявлено о чеканке умеренного количества платиновой монеты из казенного металла и приемке ее при взаиморасчетах на добровольных началах. Всего с момента начала чеканки было выпущено до 1844 г.: 3-рублевых — 1 373 691 шт. (на сумму в 4,1 млн руб.), 6-рублевых — 14 847 шт. (на сумму в 89 тыс. руб.) и 12-рублевых — 3.474 шт. (на сумму

в 41,6 тыс. руб.), что составило в общей сложности 1 392 012 шт. на сумму чуть более 4,2 млн рублей [см.: Ушаков, 2003, 9]. Правительство все более делало ставку на платиновую монету, и добыча драгоценного металла на Урале стала достигать в 1830-е гг. свыше 1,5 т за сезон (в 20 раз больше, чем в Колумбии): если в 1825 г. — 0,16 т, то в 1830 г. — 1,712 т, а в 1840 г. — 1,728 т. Всего на изготовление монет, выпущенных с 1828 по 1839 г., пошло около тысячи пудов (около 15 т) сырой платины. В 1840-е гг. добыча платины еще больше возросла, составив в 1843 г. 3,424 т [см.: Шаталов, 2003, 17—23]. Резкое увеличение добычи платины было напрямую связано с тем, что этот металл обходился казне примерно в 2,5 раза дешевле золота. Россыпи были очень богатыми, а уральским рабочим платили гроши, в результате чего себестоимость платины была очень низкой. Ко всему этому с владельцев рудников — Демидовых и Шуваловых — казна собирала довольно высокую горную подать за переработку металла, что еще больше повышало степень заинтересованности правительства в добыче этого металла. Из 1 кг самородной платины получалось 183,5 рубля. Казна, обладавшая монополией на закупку драгметаллов, платила Демидовым и другим поставщикам самородной платины по 140,7 руб. за 1 кг, удерживая, однако, 10 % на налоги и 15 % — за право добычи. Остаток от 105,5 рублей за 1 кг выплачивался платиновыми монетами. За вычетом производственных издержек на очистку самородной платины, ковку и чеканку казне оставалась прибыль в 78 рублей с килограмма самородной платины. За границей в то время за 1 кг чистой платины платили в зависимости от места торговли (Париж, Лондон или Гамбург) от 153 до 174 рублей. Практически все русские платиновые монеты, поступавшие в Европу, служили источником получения этого металла для других нужд [см.: Ауэр, 2001, 51]. В 1840-х гг. появилось опасение, что вследствие понижения цены на платину появится большое количество поддельной платиновой монеты. Но это происходило уже при новом министре финансов Ф. П. Вронченко (на этом посту с 1844 по 1852 г.), весьма уступающем в прозорливой принципиальности и других многочисленных талантах своему предшественнику.

Остается неясным, действительно ли Ф. П. Вронченко боялся подделок или умышленно нагнетал страх, преследуя свою выгоду. Более вероятно последнее, ведь с таким же успехом могли ввозить и поддельные золотые монеты, но об этом министр не беспокоился. Не давал оснований для беспокойства и отчет таможни: вывезено монет на 169 тыс. рублей, а ввезено лишь на 59 тыс., фальшивых среди них не обнаружено. И тем не менее Ф. П. Вронченко представил доклад о том, что платиновая монета «не соответствует общим основаниям нашей денежной системы», и хотя не обнаружено подделок, в будущем наверняка «найдутся злонамеренные люди, которые воспользуются разностью в цене монеты и самого металла и начнут ее подделывать, и тогда казна понесет большую потерю». Николай I согласился с выводами Вронченко и 22 июня 1845 г. подписал Указ об обмене платиновой монеты. В течение шести месяцев она была изъята из обращения, хотя на руках ее оставалось еще на сумму 883 212 рублей. Она также еще могла использоваться в частных сделках по добровольному соглашению [см.: Ушаков, 2003, 8].

Таким образом, платиновым деньгам не суждено было утвердиться в качестве платежного средства в России. Главной причиной этого явилось то обстоятельство, что платина была (остается и до наших дней) очень редким и столь же ценным металлом. В рассматриваемое время она добывалась практически только в России и Колумбии и уже поэтому приобрести значение международных денег не могла. Определенную роль играла традиция: платина нигде и никогда не использовалась как монетный металл. И люди относились к ней с осторожностью, опасаясь, что при выявлении месторождений в других странах она может быстро обесцениться. Необходимо добавить резкие колебания цен на платину за рубежом. По этой причине монеты активно вывозились за границу, выгодно переплавлялись, изымаясь таким образом из денежного обращения. Сравнительно невыгодной была чеканка платиновой монеты для монетного двора. Затраты на ее изготовление были в десятки раз выше, чем на изготовление золотой [см.: Шаталов, 2003, 17—23]. Немаловажное значение имел и тот факт, что с 1 мая 1844 г. министр финансов Канкрин ушел по болезни в отставку. Развивать обращение платиновой монеты практически стало некому.

Однако именно Канкрин, используя не находившую применения платину в качестве монеты, сумел во многом решить главную задачу преобразований в денежном обращении России — заменить обесценившиеся государственные ассигнации новыми бумажными деньгами, обеспеченными благородными металлами.

Для обеспечения новых денег и утверждения их кредита он спланировал и создал разменный фонд серебряной, платиновой и золотой монеты, достаточный для беспрепятственного обмена новых денег на любую сумму. Разменный фонд должен был формироваться в размере $1/6$ часть суммы выпускаемых новых денег — государственных кредитных билетов. Но в первые месяцы, пока билеты не вошли во всеобщее употребление и выпускались в небольшом количестве, разменный фонд (в соответствии с секретной инструкцией) равнялся всему выпуску кредитных билетов.

Замена различных денежных знаков государственными кредитными билетами осуществлялась постепенно. В 1844—1846 гг. было заменено 70 % подлежавших изъятию старых денежных знаков. Окончательно же обмен ассигнаций на кредитные билеты был прекращен с 14 апреля 1851 г., а обмен депозитных билетов — с 1 марта 1853 г. Государственных кредитных билетов было выпущено по состоянию на 1 января 1853 г. на сумму 311,4 млн рублей, а разменный фонд составил 45,1 % их суммы [см.: Кашкаров, 1898, 37—45]. В стране остался лишь один вид бумажных денег — государственные кредитные билеты, которые можно было обменивать на серебряную монету в пропорции один к одному. Реформа привела к установлению в России системы серебряного монометаллизма. На определенный период она обеспечила стабилизацию денежного обращения в стране и способствовала ее экономическому развитию.

Главная цель Е. Ф. Канкрин была достигнута. Но какую роль сыграли в ее достижении платиновые монеты? На первый взгляд их общее количество (4,2 млн руб.) незначительно по сравнению с общей суммой созданного разменного фонда

(140,4 млн руб.), составляя 2,55 % его суммы. Платиновые монеты не получили международного признания и использовались только в денежном обращении внутри страны. Таким образом, они сыграли вспомогательную роль в многоступенчатой денежной реформе Канкринна, были использованы в сложной ситуации, когда были рады любому способу стабилизации денежного обращения.

По при этом не надо забывать, что денежная реформа, начатая Канкрином, была завершена уже после его отставки. И судьба платиновых денег могла сложиться совершенно иначе, если бы у него нашлись достойные последователи. Отметим лишь, что к моменту прекращения чеканки в казне было сосредоточено 32 тонны платины, из которых в монету было перечеканено лишь 14 669 кг [см.: Ушаков, 2003, 9—10], т. е. количество платиновой монеты в обращении могло быть удвоено из уже имеющегося платинового сырья. При этом, как уже отмечалось, добыча платины постоянно росла, достигнув своего максимального значения в 1843 г. — 3 424 кг. Даже оставшись на этом уровне, ежегодная добыча позволяла бы увеличивать количество платиновой монеты в обращении на 10 % ежегодно. Владельцы рудников, имея такой постоянный и платежеспособный сбыт платины, могли бы еще увеличить добычу. И через определенное время платиновая монета составила бы гораздо большую долю в денежном обращении. Положительно разрешилась бы и ситуация с трудностью обработки платины монетным двором.

После Крымской войны финансовое положение России резко ухудшилось. Для разработки мер и мероприятий по стабилизации финансов и денежного обращения была создана специальная комиссия с привлечением специалистов из разных областей науки. Выдающийся физик академик Б. С. Якоби обратил внимание на то, что возобновление чеканки платиновых монет сулит очень большие выгоды: во Франции изобретатели А. Сент-Клер Девиля и Ж. Дебре разработали очень производительный способ обработки платины. Это изобретение, как отмечал Якоби, должно было преобразить металлургию платины, снизить стоимость изделий и повысить их качество. Комиссия это предложение приняла, и было приказано на монетном дворе срочно восстановить платиновое отделение. Академика Б. С. Якоби командировали во Францию, где А. Сент-Клер Девиля и Ж. Дебре сделали для него редкое по тем временам исключение — ознакомили со своим секретом. Но новые платиновые монеты в обращение так и не поступили, а вся хранившаяся в казне платина (в том числе и монеты) была продана английской фирме «Джонсон, Матей и Ко». Таким образом, российские государственные чиновники допустили серьезную ошибку — не смогли оценить по достоинству значение этого металла. А между тем на их глазах в Европе успешно вставала на ноги химическая индустрия, которая признала значение аппаратуры из платины, особенно при производстве серной кислоты. Для обеспечения европейской потребности в платине были созданы собственные аффинажные производства в Англии, Франции и Германии. Эти столпы платиновой индустрии, чтобы создать и сохранить свою монополию на платину из российского сырья, заключили между собой долгосрочные договоры. Почти вся прибыль от торговли русской платиной оставалась теперь в

руках иностранцев. Фирмы-монополисты взвинтили цену на платину, и уже в начале XX в. она стоила в 3—4 раза дороже золота. Таким образом, российские платиновые монеты вряд ли бы обесценились, напротив, пришлось бы решать проблемы с ростом их стоимости.

Таким образом, гениальное решение Канкрин чеканить платиновые монеты полностью не было реализовано, монеты не сыграли значительной роли в денежном обращении России, хотя в них был заложен очень большой потенциал. При этом следует отметить, что платина никогда бы не вытеснила из обращения золото и серебро, выполняя роль сопутствующего, но тем не менее тоже благородного металла.

Ауэр Б. Русские платиновые монеты: история создания и некоторые технологические аспекты // Уникум. 2001. № 9. С. 51—52.

Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909.

Кашкаров М. Денежное обращение в России. Т. 2. СПб., 1898.

Ушаков Д. Платиновые монеты: история, коллекционирование, цены // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2003. № 7, 8.

Шаталов О. В. Русская платина в Китае: По материалам рос. духов. миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке: Сб. науч. тр. СПб., 2003.

Статья поступила в редакцию 03.02.2007.